

Социальное воображаемое в русской прозе

От редактора

From the Editor

В первом разделе своей классической книги о романтизме М.Х. Абрамс выделяет четыре основные «ориентации» теорий, сложившихся в европейской литературной критике: миметическую (описывающую отношение литературного произведения к реальности), прагматическую (описывающую его воздействие на читателя), экспрессивную (описывающую произведение искусства как продукт писательского воображения) и объективную (описывающую устройство текста)¹. Если применить эту классификацию к методам отечественной истории литературы, в глаза бросится маргинальность третьей, экспрессивной ориентации. Со времен по меньшей мере литературной критики середины XIX века принято активно обсуждать, какие аспекты «действительности» отражены или/и творчески переосмыслены в произведении, будь то социально-политическая или идеальная, платоническая действительность. Популярны вопросы, как литературный текст устроен и как соотносится с другими литературными и нелитературными текстами. Реже, но все же не так редко, обсуждается реакция читателей. Однако проблема писательского воображения — не отношения к историческому или литературному контексту, а творчества — остается далеко на периферии исследований.

Вероятно, до некоторой степени эта лакуна объясняется исторически сложившимися институциональными условиями, отчасти определяющими развитие исследований по русской литературе. К первым относится, например, или отсутствие, или недостаточная интеграция организаций писательского образования в общую систему гуманитарного знания и изоляция психологии

---

1 Abrams M.H. *The mirror and the lamp: romantic theory and the critical tradition*. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1953. P. 3–29.

творчества от общегуманитарных исследований². Психология творчества в России также обычно была изолирована от общегуманитарных исследований: соответствующие работы, как кажется, по преимуществу редко читаются исследователями. Показательно, что в популярной среди преподавателей гуманитарных факультетов российских университетов книге Льва Выготского «Психология искусства» обсуждается по преимуществу воздействие искусства на читателя (прагматическая ориентация по Абрамсу), причем в контексте коллективной и групповой психологии.

В то же времени отсутствие интереса к проблемам творческого воображения можно объяснить и с точки зрения интеллектуальной истории. В литературной критике и филологической науке XIX века внимание уделялось прежде всего искусству как форме познания действительности (об этом рассуждали такие разные авторы, как Виссарион Белинский и Александр Потебня, опиравшиеся, видимо, на немецкую классическую мысль от Вильгельма Гумбольдта до Фридриха Шеллинга). Другим вариантом схожего подхода можно считать идею, что искусство в той или иной степени отражает социальные конвенции. Эта концепция воплотилась (хотя, конечно, и совершенно по-разному) и в исторической поэтике Александра Веселовского, где сама форма фольклорного или литературного произведения увязывается с этнографическими и антропологическими данными, и в раннесоветских марксистских работах, авторы которых пытались увязать авторскую позицию с классовым положением, и в структурной семиотике 1970–1980-х годов, в которой искусство описывалось как парадоксальная реализация общественных конвенций. Даже категория вымысла, несмотря на свою популярность, оказывается сомнительным убежищем для исследований воображения. В пионерских исследованиях Лидии Гинзбург вымысел вновь представал одной из форм познания реальности, наряду с установкой на документальность³.

Каковы бы ни были его причины, исключение из истории литературы проблемы творческого воображения представляет, как кажется, значительные проблемы для этой дисциплины. За бортом оказывается произведение искусства как попытка изобрести и предложить нечто кардинально новое — не новую конфигурацию приемов или отсылок к уже существующим текстам, не новую форму отражения социально-исторической, психологической или универсально-неизменной действительности, а попытки предложить читателям такие представления о настоящем, прошлом и — не в последнюю очередь — будущем, каких они раньше представить не могли. В историко-литературных исследованиях собственно литература оказывается способом не произвести новые образы или представления, а воспроизвести уже существующие. Этот стихийный консерватизм, в частности, приводит к отсутствию перспективы будущего или чувства собственной ответственности за развитие дисциплины.

-
- 2 Судя по всему, на настоящий момент в России действует одна магистерская программа по психологии творчества (URL: <https://postupi.online/programma-magistr/3916/>). Об отсутствии в российской традиции творческого образования см. в подборке статей, подготовленной Майей Кучерской и Ольгой Нечаевой (Новое литературное обозрение. 2023. № 183).
  - 3 См., например: Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л.: Художественная литература, 1976. С. 11.

Авторы предлагаемых далее статей пытаются преодолеть эту лакуну с помощью категорий социального и исторического воображаемого, позволяющих описать открытия индивидуальных авторов как не отражение, но эпизод из истории развития групповых представлений об отношениях личного и общественного, индивидуального и национального, человеческого и исторического⁴. **Гвидо Карпи** обращается к ранней повести Федора Достоевского «Хозяйка» и видит в ней попытку осмыслить российское общество с точки зрения философии Гегеля и утопического социализма. **Алексей Вдовин** рассматривает зарождение в Российской империи детективного жанра как способа разрешить характерные для эпохи модернизации противоречия между привилегированными образованными литераторами и массами крестьян. **Викентий Чекушин** анализирует непреднамеренно возникший диалог между Алексеем Толстым и сталинской властью о том, как можно и нельзя воображать историю первых советских лет.

Библиография / References

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л.: Художественная литература, 1976.
(*Ginzburg L.Ya.* O psikhologicheskoy proze. 2nd ed. Leningrad, 1976.)
Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А. Вдовин, И. Клигер, К. Осповат. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

(*Russkiy realizm XIX veka: obshchestvo, znaniye, povestvovaniye* / Ed. by M. Vaysman, A. Vdovin, I. Kliger, K. Ospovat. Moscow, 2020.)
Abrams M.H. The mirror and the lamp: romantic theory and the critical tradition. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1953.

---

4 Подробнее об этой категории см.: Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А. Вдовин, И. Клигер, К. Осповат. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 68–271. См. также подборку статей на близкую тему, вышедшую на страницах «Нового литературного обозрения» (2023. № 182).